

Рылеев Кондратий Федорович

**Войнаровский и запрещенные
стихотворения К.Ф. Рылеева**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-1
ББК 84-5
К64

К64 **Кондратий Федорович Р.**
Войнаровский и запрещенные стихотворения К.Ф. Рылеева / Рылеев Кондратий Федорович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 146 с.

ISBN 978-5-519-84166-5

ISBN 978-5-519-84166-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Почти убитого тоской
Страдальца-узника порой
Души минутное веселье —
Такъ въ душу мрачную влетитъ,
Подъ часъ, спокойствіе ошибкой
И принужденною улыбкой
Чело злодѣя прояснитъ.

Но кто украдкою изъ дому,
Въ туманѣ раннею порой,
Идетъ по берегу крутому
Съ винтовкой длинцою за спиной,
Въ полукафтаны, въ шапкѣ черной —
И перетянутъ кушакомъ,
Какъ странъ Днѣпра козакъ проворной
Въ своемъ нарядѣ боевомъ?
Взоръ безпокойный и угрюмый,
Въ чертахъ суровость и тоска,
И на челѣ его слегка
Тревожныя рисуетъ думы
Судьбы враждующей рука.
Вотъ къ западу простеръ онъ руки;
Въ глазахъ вдругъ пламень засверкалъ,
И, съ видомъ нестерпимой муки,
Въ волненьи сильномъ онъ сказалъ:

„О, край родной! поля родныя!
Мнѣ васъ ужь болѣ не видать!

Васъ, гробы праотцевъ святыя,
Изгнаннику не обнимать!

„Горить напрасно пламень пылкй —
Я не могу полезнымъ быть:
Средь дальней и позорной ссылки
Мнѣ суждено въ тоскѣ изныть.

„О, край родной! поля родныя!
Мнѣ васъ ужъ болѣ не видать!
Васъ, гробы праотцевъ святыя,
Изгнаннику не обнимать!“

Сказалъ — пошелъ по косогору,
Едва примѣтною тропой
Поворотилъ къ сырому бору,
И вотъ исчезъ въ глуши лѣсной.
Кто ссыльный сей? Никто не знаетъ.
Давно въ страну изгнанья онъ,
Молва народная вѣщаетъ,
Въ кибиткѣ крытой привезёнъ.
Улыбки не видать привѣтной
На незнакомцѣ никогда,
И посѣдѣли ужъ примѣтно
Его и усъ и борода.
Онъ не варнакъ³⁾ — смотри: не видно
Печати роковой на немъ,
Для человѣчества постыдной,

Въ чело вклейменной палачемъ.
Но видъ его суровѣй вдвое,
Чѣмъ дикій видъ чела съ клеймомъ.
Покоенъ онъ: но такъ въ покоѣ
Байкаль⁴⁾ предъ бурей мрачнымъ днѣмъ.
Какъ въ часъ глухой и мрачной ночи,
Когда за тучей мѣсяцъ спитъ,
Могильный огонекъ горитъ —
Такъ незнакомца блещутъ очь.
Всегда дичится и молчитъ,
Одинъ, какъ отчужденный, бродитъ,
Ни съ кѣмъ знакомства не заводитъ,
На всѣхъ сурово онъ глядитъ — —

Въ странѣ той хладной и дубравной
Въ то время жилъ нашъ Миллеръ⁵⁾ слав-
Въ укромномъ домикѣ, въ тиши, [ной;
Работалъ для вѣковъ въ глуши,
Съ судьбой боролся своею правдой
И жажду утолялъ души.
Изъ родины своей далекой
Въ сей край пустынной завлеченъ
Къ познаньямъ страстию высокой,
Здѣсь наблюдалъ природу онъ.
Въ часы суровой непогоды
Любилъ рассказы стариковъ,
Про Ермака и козаковъ,
Про ихъ отважные походы

По царству хлада и снѣговъ.
Какъ часто, вышедши изъ дому,
Бродилъ по цѣлымъ онъ часамъ
По океану снѣговому,
Или по дебрямъ и горамъ!
Слѣдилъ, какъ солнце яркій пламень
Разливъ по тверди голубой,
На мигъ за Кангалѣцкій камень
Уходитъ лѣтнею порой.
Все для пришельца было ново:
Природы дикой красота,
Климатъ жестокой и суровой,
И дикихъ нравовъ простота.
Однажды онъ въ морозъ трескучій
Оленя гнавъ съ сибирскимъ псомъ,
Вбѣжалъ на лыжахъ въ лѣсъ дремучій —
И мракъ, и тишина кругомъ!
Повсюду сосны вѣковыя,
Иль кедры въ ииіи сѣдомъ;
Сплелися вѣтви ихъ густыя
Непроницаемымъ шатромъ.
Не видно изъ лѣсу дороги —
Черезъ хворостъ, кочки и снѣга
Олень несется быстроногій,
Закинувъ на спину рога,
Вдали межъ соснами мелькаетъ,
Летитъ — вдругъ выстрѣлъ! — Быстрый
[бѣгъ]

Олень внезапно прерываетъ —
Вотъ зашатался — и на снѣгъ
Окровавлённый упадётъ.
Смущенный Миллеръ робкій взоръ
Туда, гдѣ палъ олень, бросаетъ,
Сквозь чашу, вѣтви, дичь и боръ —
И зрѣтъ: къ оленю подбѣгаетъ
Съ винтовкой длинною въ рукѣ,
Окутанный даждю⁶) черной
И въ длинношерстномъ чебакѣ⁷),
Охотникъ ловкой и проворной.

То ссыльный былъ. Угрюмый взглядъ,
Вооруженье и нарядъ,
И незнакомца видъ унылой,
Все душу странника страшило.
Но трепеща въ глуши лѣсной
Блуждать одинъ, путей не зная,
Преодолялъ онъ ужасъ свой
И быстрой полетѣлъ стрѣлой,
Бѣгъ къ незнакомцу направляя.
— Кто-бъ ни былъ ты, онъ такъ сказалъ,
Будь мнѣ вожатымъ, ради Бога!
Гнавъ звѣря, я съ тропы сбѣжалъ
И въ глушь нечаянно попалъ.
Скажи, гдѣ на Якутскъ дорога? —
„Она осталась за тобой,
За часъ отсюда, въ ближнемъ долѣ;

Кругомъ все дичь и лѣсъ густой,
И врядъ ли до ночи глухой
Успѣешь выбратся ты въ поле.
Уже вечерняя пора —
Но мы въ близи заимки⁸⁾ скудной:
Пойдемъ — тамъ въ юртѣ до утра
Ты отдохнешь съ охоты трудной.“

Они пошли. Все глуше лѣсъ,
Все рѣже виденъ сводъ небесъ;
Погасло дневное свѣтило;
Настала ночь. — Вотъ мѣсяцъ всплылъ
И одинокой и унылой,
Дремучій лѣсъ осеребрилъ,
И юрту путникамъ открылъ.
Пришли — и ссыльный, торопливо
Вошедъ въ угрюмый свой пріютъ —
Вдругъ застучалъ кремнемъ въ огниво,
И искры сыпались на трутъ,
Мракъ освѣщая молчаливой.
И каждый въ сталь ударъ кремня
Въ углу обители пустынной
То дуло озарялъ ружья,
То ратовище пальмы⁹⁾ длинной,
То саблю, то конецъ конья.
Глазъ съ незнакомца не спуская,
Близъ двери Миллеръ передъ нимъ,
Въ душѣ невольный страхъ скрывая,

Стоить и нѣмъ и недвижимъ.
Вотъ вздуть огонь, пришлецъ суровый
Проворно жирникъ¹⁰⁾ засвѣтилъ,
Скамью придвинулъ, столъ сосновый
Простою скатертью накрылъ,
И съ лаской гостя посадилъ.
И вотъ за трапезою сытной,
Въ хозяина вперая взоръ,
Заводить странникъ любопытной
Съ нимъ о Сибири разговоръ.
Въ какое-жъ Миллеръ удивленье
Былъ незнакомцемъ приведенъ;
И кто бы не былъ пораженъ!
Странъ европейсккъ просвѣщенье
Въ лѣсахъ сибирскихъ встрѣтилъ онъ!
Покинувъ родину съ тоскою,
Два года Миллеръ, какъ чужой,
Бродилъ бездомнымъ сиротою
Въ странѣ забытой и глухой.
Но тутъ, въ пустынѣ отдаленной,
Онъ неожиданно, въ глуши,
Впервые могъ тоску души
Отвести бесѣдой просвѣщенной.
При строгой важности лица,
Слова, высокихъ мыслей полны,
Изъ устъ сѣдаго пришльца,
Въ избыткѣ чувствъ, текли, какъ волны.
Въ бесѣдѣ долгой и живой

Глаза у обейхъ сверкали;
Они другъ друга понимали —
И, какъ друзья, въ глуши лѣсной
Взаимно души открывали.
Усталый странникъ позабылъ
И поздній часъ и сонъ отрадный,
И, слушать незнакомца жадный,
Казалось, весь вниманье былъ.

„Ты знать желася, добрый странникъ,
Кто я, и какъ сюда попалъ?“

Такъ незнакомецъ продолжалъ:

„Того до сей поры изгнанникъ
Здѣсь никому не повѣрялъ.

Иныхъ здѣсь чувствъ и мнѣнй люди:

Они не поняли-бъ меня,

И повѣсть мрачная моя

Не взволновала бы ихъ груди.

Тебѣ же тайну ввѣрю я

И чувства сердца обнаружу;

Ты въ родинѣ, какъ должно мужу,

Наукой просвѣтилъ себя:

Ты все поймешь, ты все оцѣнишь,

И несчастливцу не измѣнишь.

„Дивись же странникъ молодой,

Какъ гонить смертныхъ рокъ свирѣпый:

Въ одеждѣ дикой и простой —

Узнай — сидитъ передъ тобой

И другъ, и родственникъ Мазепы!
Я Войнаровскій. Обо мнѣ
И о судьбѣ моей жестокой
Ты, можетъ быть, въ родной странѣ
Слыхалъ не разъ, съ тоской глубокой.
Ты видишь: дикъ я и угрюмъ,
Брожу, какъ остовъ — очи внали,
И на челѣ бразды печали,
Какъ отпечатокъ тяжкихъ думъ,
Страдальцу видъ суровой дали.
Между лѣсовъ и грозныхъ скалъ,
Какъ вѣчный узникъ безотраденъ,
Я одряхлѣлъ, я одичалъ —
И, какъ климатъ сибирскій, сталъ
Въ своей душѣ жестокъ и хладенъ.
Ничто меня не веселитъ,
Любовь и дружество мнѣ чужды,
Печаль свинцомъ въ душѣ лежитъ;
Ни до чего нѣтъ сердцу нужды.
Бѣгу, какъ недругъ, отъ людей;
Я не могу снести ихъ вида:
Ихъ жалость о судьбѣ моей
Мнѣ нестерпимая обида.
Кто брошенъ въ дальныя сѣѣга
За дѣло чести и отчизны,
Тому сносиѣе укоризны,
Чѣмъ сожалѣніе врага.

.

И ты печально не гляди,
Не изъявляй мнѣ сожалѣнье,
И такъ жестоко не буди
Въ моей измученной груди
Тоски успившей на мгновенье.
Признаться-ль, странникъ: я-бъ желалъ,
Чтобъ люди узника чуждались,
Чтобъ взглядъ мой душу ихъ смущалъ,
Чтобы меня, средь этихъ скалъ,
Какъ привидѣнія, пугались.
Ахъ! можетъ быть, тогда покой
Сдружился бы съ моей душой — —
Но зналъ и я когда то радость
И отъ души людей любилъ,
И полной чашею испилъ
Любви и тихой дружбы сладость.
Среди родной моей земли,
На лонѣ счастья и свободы,
Мои младенческіе годы
Ручьемъ игривымъ протекли;
Какъ легкій сонъ, какъ привидѣнье,
За ними радость на мгновенье,
А вмѣстѣ съ нею суеты,
Война, любовь, печаль, волненье,
И пылкой юности мечты.

„Врагъ хищныхъ Крымцевъ, врагъ Поля-
Я часто за Палѣемъ¹¹⁾ въ слѣдъ, [ковъ,